

Нужна ревизия решений Всесоюзной топливной конференции и V теплотехнического съезда

Работы Всесоюзной топливной конференции и V теплотехнического съезда, происходивших в марте месяце т. г., на которых основным докладчиком по вопросам топливной политики и рационального направления топливоиспользования в стране выступал Рамзин, ныне держащий ответ перед страной и всем миром за вредительскую деятельность в качестве руководителя «Промышленной партии», протекали в обстановке острой борьбы против путей, направления топливной политики, предложенных и на топливной конференции и на съезде Рамзиным. Ряд делегатов, в том числе и автор этих строк, выступали против Рамзина по целому ряду принципиальных установок. В то время нельзя было предполагать, что цифры Рамзина, которые были предложены вниманию и конференции и съезда и которые легли в основу их решений, были средством сознательного срыва развития топливного хозяйства страны, были средством подготовки интервенции. В настоящее время карты полностью раскрыты. Многие из того, что тогда нами рассматривалось как сомнительные выводы, в настоящее время по признанию самого Рамзина является сознательным вредительством, которое проводилось «Промпартией».

То положение, что Рамзин работал в руководящих энергетических организациях СССР, состоял директором Теплотехнического института, что Рамзин являлся одним из талантливых теплотехников последнего времени, способствовало тому, что предложения Рамзина по энергетическим вопросам большинством чаще всего принимались как бесспорные. Спорить с его выводами было чрезвычайно трудно. Это можно было наблюдать на работе многих организаций и съездов, на которых руководящая роль в технических вопросах принадлежала Рамзину и его единомышленникам. Это же было и на топливной конференции и на V теплотехническом съезде, где предложения Рамзина были поддержаны Ларичевым, как председателем топливной секции Госплана, и Коган-Бернштейном, руководителем транспортной секции Госплана, оказавшимися членами ЦК одной организации, ставившей своей целью вредительство и подготовку интервенции.

Мы не имеем возможности здесь останавливаться на всех спорных вопросах, с которыми ряд делегатов, в том числе и автор этих строк, на Топливной Конференции и V теплотехническом съезде высту-

нал против предложений Рамзина; поэтому ограничимся только основными вопросами, которые больше всего вызвали споров и которые надлежащего решения не получили:

1. Размер добычи топлива к концу пятилетки и перспективы второй пятилетки.
2. Размер добычи местных топлив и их роль в топливном балансе.
3. Размер добычи нефти и методы ее переработки, в том числе роль крекинг-процесса.
4. Вопросы использования угля для целей получения синтетического топлива.
5. Вопросы теплофикации и газификации, обсуждавшиеся и на Топливной конференции и на V теплотехническом съезде.

Какими методами пользовались вредители для осуществления планов интервенции и подготовки топливной катастрофы?

По признанию Рамзина «все строилось под углом зрения минимальных планов народного хозяйства, которые и проводились в 1928 г. при осуществлении минимальной пятилетки»...

«Во второй половине 1929 г. и в начале 1930 г. был дан сигнал резко переменить тактику в сторону максималистских планов. Это было вызвано тем обстоятельством, что генеральная линия партии чрезвычайно энергично проводилась в жизнь, и кроме того этот перелом давал возможность практически углублять работу в области создания кризисов.

Поэтому был взят курс на преувеличение планов». Для отдельных отраслей топливной промышленности эта политика проводилась, например, для торфяной промышленности, следующим образом:

«Для того, — говорит Рамзин, — чтобы подготовить торфяники к добыче, необходимо начать подготовку торфяников примерно за два года. Если в 1928 г. весь темп подготовительных работ был взят из расчета на 15 млн. тонн, а в последний год он был перестроен на 33 млн. и даже дошел до 50 млн. тонн, то ясно, что добыча в 50 млн. тонн в 1933 г. при всех условиях становилась невозможной, потому что весь темп подготовительных работ был втрое меньше.

Такой же момент имеется и по каменноугольной промышленности. Чтобы дать добычу угля в 1932/33 г. в большем масштабе, необходимо было готовиться к этой добыче по крайней мере за 2-3, даже 3½ года путем закладки и проходки шахт. Поскольку все подготовительные работы шли в прошлом в значительно более пониженном темпе, то переход на максимальную деятельность создавал разрыв между производственными возможностями в угольном, нефтяном и других районах и теми планами, которые с этого времени начинали проводиться в жизнь» (разрядка наша. Н. С.).

«Таким образом, вот этот переход от тактики минималистских планов к тактике наоборот максималистских планов, уже в самом себе таил возможность рассчитывать на создание кризисов и на невозможность быстрого поднятия и развертывания отдельных отраслей промышленности, в виду того, что все подготовительные операции строились на другом, сильно пониженном уровне»¹.

Таково признание Рамзина. В настоящее время мы являемся очевидцами результатов такой политики, которые характеризуются как напряженное состояние топливного снабжения страны. Это одна сторона вопроса.

Другая сторона является не менее важной: мы сегодня благодаря вредителям не знаем настоящих реальных планов топливной пятилетки, и о запроектированных масштабах добычи очень трудно сказать, насколько они реальны, и в каких направлениях необходимо срочно перестроиться, чтобы иметь возможность своевременно покрыть потребность страны в топливе.

Другими методами, кроме срыва подготовительных работ к развертыванию топливдобычи в необходимых размерах, в особенности местных видов топлива, как подмосковный уголь и торф, являлись преуменьшение капиталовложений на приращенную тонну добычи по Донбассу и Кузбассу и преувеличение их для подмосковного угля и торфа и выбор наиболее дорогих методов добычи при решении вопросов развития торфодобычи.

Не меньшая роль отводилась и тарифной политике на топливные перевозки, которые проектировались в таком виде, что каменноугольное топливо являлось самым дешевым даже в Ленинграде.

Остановимся на каждой из приводившихся аргументаций в защиту необходимости ориентации основных промышленных районов, как Москва и Ленинград, на дальнепривозное топливо.

В материалах топливной конференции ВТК и б. Донугля, капитальные затраты на тонну приращенной добычи угля вместе с транспортными расходами представляются в следующем виде:

Полные капитальные затраты с учетом внутрирайонного транспорта и электроснабжения от ГЭС (в рублях)

Название районов	Затраты по данным ВТК	Затраты по данным Донугля	В том числе промстроительство
Кузбасс	17,50	22,4	17,60
Донбасс	25,00	38,0	23,50
Челябинск	21,90	{ 31,0	23,40
Кизел			

¹ Отчет в «Правде» от 27 ноября 1930 г., № 326 (4771).

Как видно из приведенных данных, цифры капитальных затрат по Донбассу и Кузбассу, приводившиеся в качестве основных доводов для ориентации на дальнепривозное топливо, были меньше фактических.

Как теперь выясняется, в основу этих расчетов были положены заведомо преуменьшенные цифры, проще говоря, подложные цифры, имевшие целью неизбежность топливной катастрофы.

Это станет особенно понятным, если перевести капитальные затраты на тонну условного топлива у потребителя, где цифры для дальнепривозного и местного топлива Рамзиным представлялись в следующем виде: капитальные затраты на тонну условного топлива для дальнепривозного угля из Донбасса с учетом транспортных расходов в Ленинграде составляли 50,1 руб., в Центр.-промышленной области 47,6 руб. и в Москве — 43,1 руб. Для Ленинграда затраты на тонну условного топлива при переходе на местное торфяное топливо определялись в 66,9 руб., а для подмосковного угля в Москве в 44,4 руб.

Мы останавливаемся на этих цифрах для того, чтобы иллюстрировать, к каким методам прибегали вредители, чтобы под цифровой завесой проводимой якобы экономии средств в действительности готовить топливную катастрофу и готовить почву для успеха интервенции.

Беря заведомо преуменьшенные цифры капиталовложений на тонну приращенной добычи в Донецком бассейне и наиболее дорогой метод добычи торфа — машинно-формовочный, требующий капиталовложений около 29 руб. на тонну и дающий себестоимость около 8 р. 50 к. против 9—11 р. затрат при фрезерном способе добычи, дающем себестоимость 3 р. 30 к., вредители обосновывали такими данными невыгодность широкого перехода к местным видам топлива, как торф, и создали тормаз для развития торфяной промышленности.

Неправильные цифры, положенные в основу расчетов, привели к неверным решениям на ВТК по целому ряду основных наметок топливного плана и топливоиспользования, которые диктуются народнохозяйственными соображениями.

В числе доводов за ориентацию на дальнепривозный уголь — донецкий и кузнецкий — и срыв развития местных топлив были и тарифные расчеты, приводившиеся основным руководителем транспортной секции Госплана СССР, членом «промпартии» Коган-Бернштейном вместе с Рамзиным.

Для иллюстрации следует отметить такую с позволения сказать «тарифную» политику для развития местных топлив, защищавшуюся на конференции: для донецкого угля в ленинградском направлении установлен тариф в 0,64 коп. т-км при себестоимости угольных перевозок НКПС в 1,18 коп. т-км; а это означает, что государство на каждой тонне завезенного в Ленинград угля не добирает против себестоимости перевозок около 9 р. 72 к., или 9.720 тыс. руб. на каждый миллион завезенного угля. На торф же в Ленинградской области

установлен тариф в 1,24 коп. т-км. При таких условиях, благодаря искусственным тарифам, уголь в Ленинграде был самым дешевым топливом, естественно задерживавшим развитие потребления местного торфяного топлива.

Следует заметить, что на Всесоюзной топливной конференции вопрос о народнохозяйственной себестоимости т-км перевозимого топлива, несмотря на все попытки, в том числе и автора этих строк, получить настоящую цифру, которая давала бы действительную возможность производить все необходимые расчеты и являлась бы отправной, так и не был разрешен. Коган-Бернштейном и К^о была представлена целая система тарифов, которая оправдывала необходимость дальнепривозного топлива взамен местных топлив. Теперь совершенно ясно, какую цель преследовала эта система тарифов, защищавшаяся на топливной конференции Коган-Бернштейном: это было средством для того, чтобы промышленность, потреблявшая дальнепривозное топливо, в случае интервенции, которую подготавливали «ученые» транспортники и топливники, оказалась бы без топлива.

Эти цифры еще не пересмотрены, пока нет бесспорных данных, которые давали бы возможность судить о выгодности с народнохозяйственной точки зрения капиталовложений в ту или иную область топливной промышленности и о целесообразности транспортных сооружений, поэтому необходимо немедленно приняться за соответствующую работу и установить необходимые отправные точки.

В настоящее время лица и организации, работающие над проблемами топливоснабжения и энергоснабжения и занятые разработкой вариантов наиболее рационального размещения промышленности в стране, не имеют этих отправных данных и оказались совершенно обезоруженными, ибо цифры Рамзина и Коган-Бернштейна ныне то же, что фальшивая монета, пользование которой приносит только вред как государству, так и отдельным лицам. Этот вопрос не терпит дальнейшего отлагательства и должен быть немедленно решен.

Следующий вопрос, которому было посвящено большое внимание на Всесоюзной топливной конференции, это вопрос, во-первых, о размере добычи нефтепродуктов к концу пятилетки и, во-вторых, вопрос о методах переработки нефти, в том числе и роли крекинг-процесса.

По заявлению Рамзина деятельность «Промышленной партии» в области нефтедобычи и нефтепереработки преследовала следующее: а) замедление темпа развития нефтедобычи путем сокращения объема буровых работ; б) задержку нефтеразведок, что явилось также фактором замедления развития нефтедобычи; в) неправильное использование нефтяных газов; г) замедление темпа строительства нефтепроводов; д) замедление развития рационального нефтеперегонного оборудования и получение поэтому менее выгодного сортамента нефтепродуктов; е) задержку в развитии крекинг-установок.

После того как карты раскрыты, вопрос о добыче стоит таким образом, что цифра в 42,5 млн. тонн признается реальной уже и самими вредителями. В настоящее время ноябрьским постановлением ЦК ВКП(б) дана директива в отношении необходимости форсирования нефтедобычи с доведением ее к концу пятилетия до 46,0 млн. тонн. Но по вопросу о методах нефтепереработки ясности нет.

Проблема нефтепереработки теснейшим образом связана с механизацией сельского хозяйства, с его тракторизацией, что обеспечивает успех коллективизации, а вместе с тем разрушает все надежды на реставрацию капитализма в сельском хозяйстве. Поэтому естественно, что вредители не могли оставить без «внимания» ни область тракторостроения, ни область нефтепереработок, которые должны обеспечить тракторный парк топливом.

Рамзин на суде заявил: «Остановлюсь на вопросах механизации и тракторизации сельского хозяйства. Прежде всего достаточно будет показать на задержку механизации в планах. Первый план проводимой пятилетки намечал количество тракторов около 150.000 штук, в то время когда последняя наметка дает 900—920 тыс. тракторов; это показывает сильное сокращение объема механизации, примерно в 5-6 раз. В соответствии с этим конечно сейчас же получается целый ряд последствий, вызывающих подготовку других, связанных отраслей промышленности, — подготовку металлопромышленности, подготовку нефтепромышленности, которая должна обеспечить все эти тракторы соответствующим количеством бензина. Здесь получался чрезвычайно большой разрыв между нефтяной программой и между тракторной программой, заставивший в конце концов пойти на предложение явно невыгодное (?) и установку невыполнимую (?) по моему глубокому убеждению — на крекинг-бензин. Это вызывало громадное увеличение начальных затрат порядка полумиллиона (?) рублей и увеличение ежегодных затрат, главным образом по экспортной выручке, того же порядка около 500—600 миллионов ежегодно».

Даже теперь, когда все карты раскрыты, Рамзин ясно не отвечает на вопрос: в какой степени рационально развитие крекинг-процесса?

Участники Всесоюзной топливной конференции очень хорошо помнят «соломенный» вариант Рамзина, который был им представлен в качестве основного по решению топливной проблемы для тракторного парка вместо развития крекинг-установок для получения светлых нефтепродуктов, потребность в которых с ростом тракторизации и автомобилизации страны значительно увеличивается.

Как не кажется абсурдным на первый взгляд метод разрешения топливной проблемы путем использования соломы, следует сказать, что солома также имеет свое место и бесспорно будет иметь громадное значение при решении топливных вопросов в отдельных районах, где не имеется других источников тепловой энергии. Укажем, что еще в 1896 г. один из гениальнейших людей, Д. И. Менделеев, намечая

источники тепловой энергии и пути топливоиспользования, писал: «так как солома есть побочный продукт текущей полевой культуры, то там, где она не идет ни на корм скоту, ни на возврат почве навозного удобрения, она в высушенном виде может служить отличным топливом, объемистость которого не может служить к тому препятствием, хотя и должна быть принята во внимание».

Кизяк (формованный и высушенный навоз), лузга (шелуха гречишных, подсолнечных и т. п. семян и орехов), опавшие листья деревьев, болотный мох, шишки и хвоя, тростник, остатки красильных деревьев, кострика (отбросы при получении пеньки и льна) и множество тому подобных отбросов растительных продуктов и заводской их обработки по своему составу мало чем отличаются от соломы, а потому в хорошо высушенном состоянии представляют прекрасные виды топлива, тем более, что в отличие от соломы часто неприменимы для прямых сельскохозяйственных целей. Отбросы хлопка (семя и шелуха), если не перерабатываются на хлопковое масло (имеющее обширное приложение даже в пищу), и тому подобные вещества, содержащие растительные масла, представляют еще более высокое достоинство как топливо. Для всех подобных видов топлива лучшие способы приложения состоят в превращении или в газы или в столь мелкие отдельности, чтобы их не могла уносить струя воздуха, и в этом виде они все имеют большую будущность¹.

Бесспорно, что солома может быть использована в качестве топлива путем превращения ее в газ в газогенераторах и может иметь большое значение как местное топливо, особенно в связи с тем темпом развития сельского хозяйства, который ныне намечается и который даст большие количества соломы, не находящей никакого применения.

Идея использования низкокалорийного топлива, в том числе соломы, для целей получения тепловой энергии Рамзиным была сведена к использованию этого топлива для тракторов вместо нефтепродуктов. Таким образом, с одной стороны, была смазана идея использования соломы вообще, а с другой стороны — «соломенный вариант» был выставлен в качестве одного из основных для решений энергетической проблемы с целью задержать в нефтепереработке развитие крекинг-процесса.

Всесоюзная топливная конференция, которая прошла под знаком больших споров по этим принципиальным вопросам, в конечном счете к окончательным единогласным выводам не пришла, и сейчас работники-практики не имеют необходимой в практической работе твердой опоры, не вызывающей сомнений.

¹ Д. И. Менделеев. «Основы фабрично-заводской промышленности», стр. 118.

Вопросы транспорта нефтепродуктов, вопросы выходов светлых нефтепродуктов на отдельных системах крекинг-установок, которые ныне применяются, и наконец вопрос бергинизации, или гидрогенизации нефти, т. е. методы превращения нефтепродуктов нацело в светлые нефтепродукты и т. д., должны получить полное, четкое и ясное решение, которое могло бы лечь в основу проектировок народнохозяйственных расчетов при выборе того или иного варианта и нефте-транспорта и нефтеиспользования.

По вопросу о теплофикации автор настоящих строк впервые столкнулся с Рамзиным в 1927 г. в качестве руководителя постройкой первой в СССР городской тепло-электроцентрали в г. Пскове, выдвинутой к сооружению проф. В. В. Дмитриевым. Проект ее в Центральном электроэнергетическом совете встретил большие возражения и задерживался рассмотрением. Так как по состоянию электроснабжения строительство задерживать нельзя было, мы на свой риск и свою ответственность, при непосредственной консультации проф. В. В. Дмитриева, приступили к постройке станции; разрешение же ЦЭС'а на ее сооружение было получено лишь тогда, когда она наполовину была уже построена.

В июле 1928 г. перед Ленинградским Электротокком, а в августе того же года перед Главэлектро автором настоящих строк был поставлен вопрос о реорганизации всего энергоснабжения Ленинграда на основе широкого перехода к теплофикации и газоснабжению с торфяных болот, рассматривая электрификацию, теплофикацию и газификацию как звенья единой энергетической цепи. При этом для Ленинграда мною намечалась теплофикационная мощность порядка 120—150 тыс. квт к концу пятилетки. В ноябре того же 1928 г. на одном из заседаний в Госплане СССР, посвященном вопросам топливоснабжения, для Москвы мною была названа цифра теплофикационных мощностей к концу пятилетки порядка 250—300 тыс. квт.

И в Электротокке и в Главэлектро мои предложения были похоронены.

Признание Рамзина на суде¹ открывает секрет такой судьбы всех предложений, направленных к рационализации энергоснабжения вообще, а Ленинграда и Москвы в частности, где такая рационализация могла бы дать особенно большой эффект.

«Теплофикация, — по заявлению Рамзина на суде, — несомненно является крупным революционным сдвигом в области рационализации теплотехники; поэтому никто не вел работы по протесту против идеи теплофикации как таковой, но фактическое проведение в жизнь теплофикации сильно тормозилось. Тормозилась, во-первых, оценка теплофикационной мощности, которая оценивалась чрезвычайно низкими циф-

рами даже, скажем, в 1929 г. — по Москве и Ленинграду всего на 40—50 тыс. квт, в то время как можно реально говорить о цифрах больших: по Москве порядка 400 тыс. квт, по Ленинграду порядка 150 тыс. квт, так что в этих масштабах возможности были сильно преуменьшены» (разрядка наша. Н. С.).

«Затем задержка проведения теплофикации производилась уже в порядке операционной работы. Задерживались например работы по обследованию потребителей, раздувались отдельные затруднения и переговоры с отдельными заводами и потребителями. В результате я считаю, что минимум на год-на два проведение теплофикации в жизнь было задержано, причем в этом отношении «Промпартия» пользовалась помощью тех двух основных организаций, от которых зависело фактическое проведение теплофикации, — МОГЭС и Электротокка.

«Осуществление основной установки «Промпартии» в области энергетики обеспечивалось тем, что все основные органы целиком находились в руках «Промпартии». А именно: утверждение проектов происходило через ЦЭС, президиум которого и все основные работники состояли членами «Промпартии» — Осадчий, Каменецкий, я и др., — и все принадлежали к числу активных членов «Промпартии».

«Планирование электростроительства то же самое обеспечивалось в Электроплане тем, что руководство Электропланом также находилось в руках основных работников «Промпартии».

«Точно так же по МОГЭС, по Электротокку «Промпартия» имела своих работников. Таким образом по всему фронту энергетики, по всем основным организациям энергетики «Промпартия» имела прочные, надежные опорные пункты, через которые имела возможность проводить свои директивные указания и установки. Общее руководство «Промпартии» в области энергетики непосредственно производилось мною».

Напомним, что цифры теплофикационной мощности, признанные теперь Рамзиным, автором настоящей статьи защищались с 1927/28 г., но тогда они Рамзиным и К^о проваливались.

«Теплофикация — по признанию Рамзина — представляет один из наиболее рациональных и эффективных путей в области энергетики, давая большие преимущества в применении топлива и капитальных затрат. Не выступая прямо против бесспорных экономических преимуществ теплофикации, «Промышленная партия» сумела внушить съезду вначале, так сказать, насмешливое, не-серьезное отношение к этой проблеме...».

Проводя политику насмешливого отношения к теплофикации и теплофикаторам на топливной конференции и на V теплотехническом съезде, Рамзин и К^о добились «смазывания» этого вопроса, и он не получил надлежащего решения.

Поскольку важное значение теплофикации теперь признано всеми, а сами предатели рассказали истинные мотивы своих возражений,

¹ См. отчет в «Правде» от 27/XI 1930 г., № 326.

и поскольку до сих пор правильной установки относительно роли теплофикации в энергетическом хозяйстве отдельных предприятий, городов и т. д. нет, как нет и основных показателей, которые могли бы обеспечить наиболее выгодный вариант решения энергетической проблемы того или иного района, вопрос о тепло-электроцентралях приобретает самое актуальнейшее значение. Необходимо все вопросы, связанные с теплофикацией, в том числе и производство оборудования, срочно обсудить и наметить наикратчайшие пути для их решения, чтобы наверстать упущенное по вине вредителей время и обеспечить советскому хозяйству ту экономию топлива, которая возможна с переходом к тепло-электроцентралям.

Рамзин и К^о боролись против местных топлив не только методами заведомо неверных расчетов народнохозяйственных вложений при том или ином варианте решения топливной проблемы, но и компрометированием достижений современной техники, которые по-новому ставят энергетическую проблему.

Рамзин заявил на суде¹: «Эта задержка развития торфа и подмосковного угля велась в значительной степени при помощи пропаганды явно невыгодных методов использования этого топлива, а именно метода сложной химической переработки топлива, устройства дальнего искусственного газоснабжения и т. д. Пропаганда невыгодных методов использования подмосковного угля отдельными московскими угольниками давала диалектически новый аргумент в пользу борьбы с местным топливом; поскольку местное топливо фактически оказывалось дороже, чем дальнепривозное топливо, эта борьба с добычей подмосковного угля получила под собой реальное экономическое обоснование».

Между тем сам Рамзин в своем докладе и на Топливной конференции и на V теплотехническом съезде говорил:

«Дальнее газоснабжение промышленности искусственными газами является во всех отношениях невыгодным решением вопроса. Прежде всего тепловой коэффициент энерготранспорта, с учетом всех потребных расходов по передаче тепловой энергии топлива от места добычи до потребителей, получается от 43 до 54%, в то же время перевозка каменного угля и торфа даже на значительное расстояние дает коэффициент теплотранспорта от 85 до 95%, т. е. почти вдвое выше...

Единственным выгодным потребителем с точки зрения общего энергетического к. п. д. для дальнего газоснабжения являются лишь домовые потребители, у которых получается общая экономия топлива около 5% для района Москвы, повышаясь до 20% в районе Ленинграда»².

¹ См. отчет в „Правде“ № 325 от 27/XI 1930 г.

² Стенографический отчет и резолюции Всесоюзной топливной конференции 10—15 марта 1930 г., стр. 21.

Нас мало интересует этическая сторона во всех этих вопросах. Гораздо важнее признание Рамзина, что в бытовом потреблении газ выгоднее, чем сжигание для бытовых целей угля и дров, не говоря уже о социально-гигиенической стороне дела.

Исполняя социальный заказ — подготовку свержения советской власти, «ученый» теплотехник в течение ряда лет упорно саботировал эту идею, а когда она все же была поставлена, в том числе для Ленинграда, автором этих строк совместно с группой специалистов Ленинграда, Рамзин принял все меры к тому, чтобы ее скомпрометировать. Какими при этом он пользовался средствами? Для иллюстрации приведем сравнение его расчетов и наших, основанных на его же данных, но по-настоящему проверенных.

Для Ленинграда по данным Рамзина при передаче 600 млн. м³ на расстояние 100 км и 320 млн. м³ с расстоянием в 30 км средний энергетический коэффициент газовой передачи составит около 52%. В круглых цифрах отдельные потери газовой передачи для торфяного газа складываются следующим образом: раструска 2%, потеря в газогенераторах 34%, утечка газа 4%, потеря на компрессию 13%, на ухудшение работы всей установки — 5%.

На основании вышеприведенных данных полный энергетический к. п. д. для разных типов потребителей, считая от тепла топлива, отправленного с места добычи, до полезного тепла, использованного в тепловых аппаратах потребителей, по данным Рамзина представляется в следующем виде:

Твердое топливо	0,87	31 = 27,0%
Газ	0,50	64 = 32,0%
Электричество	0,185	88 = 16,5%
Керосин	0,9	64 = 57,5%

Для твердого топлива при этом тепловой коэффициент передачи Рамзиным принимается для дальнепривозного донецкого угля в размере около 87% (?), а для электричества в 18,5%, считая расход тепла на к. п. д., отданный с шин станции, в среднем около 4.000 кал.-квтч и потери к электропередаче 15%.

Рамзиным прежде всего сравниваются несравнимые вещи: в то время как при газификации энергетический к. п. д. принимается с учетом всех тепловых потерь — раструска топлива до бункеров, потери в газогенераторах, потери на компрессию и утечку газа — для дальнепривозного топлива берется лишь расход на провоз топлива в одну сторону и в пониженной норме в 13% против нормальных 15%, без учета потерь на утряску, без расходов топлива на собственные нужды при добыче и без расхода топлива на обратный транспорт порожняка в Донбасс.

С учетом расходов топлива на подвозку из Донбасса до Ленинграда в размере 15% от отправленного из Донбасса количества топ-

лива и расходов топлива на обратный транспорт порожняка в размере 75% от количества вагонов, загнанных в Ленинград с углем, потерь на раструску 2%, а также расходов топлива на собственные нужды в Донбассе 6%, которых нельзя не учитывать, ведя рассуждения в народнохозяйственном разрезе, общий размер потерь топлива составит:

$$15 + 11,1 + 2 + 6 = 34,0\%.$$

Народнохозяйственный энергетический к. п. д. дальнепривозного топлива в Ленинграде при к. п. д. в 65%, как его считает Рамзин, будет:

$$0,66 \times 31 = 20,4\%.$$

Для газа энергетический к. п. д. составит:

$$0,52 \times 64 = 33,8\%.$$

При этом нужно сказать, что в качестве газогенераторов и Рамзиным и нами берутся газогенераторы двойного газа Шкода с весьма низким коэффициентом полезного действия — 56,4%, хотя уже сейчас к. п. д. газификации в водяной газ в газогенераторах, работающих на бурогольной мелочи, составляет около 75%.

Приведенные цифры народнохозяйственных энергетических к. п. д. радикальным образом решают вопрос в пользу газификации.

На суде обвиняемый по делу ЦК «Промпартии» инженер Очкин заявил: «Научная разработка вопросов газификации настолько слаба, что до настоящего времени все еще как-то мы переживаем полосу исканий в этих вопросах, несмотря на то, что Ленинград и Подмосковский бассейн уже могут быть безусловно использованы в смысле передачи газа на дальние расстояния».

Мы не имеем по этому поводу прямого признания «учителя» инженера Очкина — самого Рамзина. Мы лишены возможности точно установить, насколько правы сторонники широкого перехода к газовому снабжению и в чем заключается их ошибка и переоценка в этом вопросе. Рамзин и К° этому делу оказывали колоссальное сопротивление; они оказывали и влияние на отпуск средств для проработки этих вопросов, вследствие чего наша технико-экономическая мысль сейчас не имеет ни одной бесспорной цифры, которую можно класть в основу проектов техники и экономики газоснабжения; нет ни одной бесспорной цифры стоимости передачи 1 м³ газа, или млн. калорий в виде газа на расстоянии, ибо нет ни одного рабочего проекта газоснабжения. Должен быть поэтому поставлен вопрос о выработке объективных технико-экономических показателей, необходимых при обсуждении этих проблем в тех широких масштабах, которые вытекают из всего хода нашего строительства, и должны быть намечены пути научно-исследовательских работ в этой области.

Благодаря Рамзину, при прямой поддержке «мила-друга» Ларичева, Всесоюзная топливная конференция по вопросу о газифика-

ции приняла полурешение: с одной стороны, было признано, что идея газификации заслуживает внимания, но с другой — никаких директив не было дано для практического ее разрешения, хотя например вопрос использования коксовых газов, ныне сжигаемых в свече, буквально не терпит никакого отлагательства.

И если на Всесоюзной топливной конференции мы добились принципиального признания газификации, то на V теплотехническом съезде все вопросы, связанные с газификацией, были совершенно смазаны.

На V теплотехническом съезде Рамзин добился того, что все вопросы, связанные с газификацией, были переданы в Бюро теплотехнических съездов, руководимого в то время Рамзиным и Очкиным, для «согласования» — один из верных методов торможения любого дела, когда против него нельзя идти открыто.

В настоящее время диктуется безусловная необходимость новой постановки этих вопросов и уже на расчищенной освобожденной от всяких вредителей почве строить планы энергохозяйства, в том числе и газоснабжения, которое за последние годы сделало гигантские успехи.

* * *

Вредители из «Промпартии», игравшие очень важную роль в правлении топливной политики и топливоиспользования, оставили гнилое наследие. Суд сделает выводы и воздаст каждому по заслугам.

Но нужно немедленно делать и практические шаги по ликвидации последствий вредительства в области энергетики. Таковыми являются:

1. Немедленный созыв областных энергетических съездов Московской, Ленинградской, Иваново-вознесенской и Уральской области, как наиболее заинтересованных в развитии местных энергетических ресурсов, где должны четкое и ясное решение получить вопросы размеров добычи местных топлив и где должны быть подробно рассмотрены пути реорганизации энергообеспечения Москвы, Ленинграда и Иваново-Вознесенска на основе теплофикации с использованием местных топлив.

2. В ближайшее время должен быть созван внеочередной съезд. Задачей съезда должно быть установление реальных удельных расходов топлива на ближайшие 3-4 года, без чего трудно решить вопрос размера потребности в топливе и наметить конкретные пути реорганизации энергообеспечения как отдельных предприятий, так и целых городов и районов.

3. В ближайшее же время должна быть созвана внеочередная топливная конференция, которая на основе наметок по снижению удельных расходов топлива отдельными потребителями, на основе реальной подготовки разведочными работами шахтного строительства в угольной промышленности и болот — в торфяной на-

метит размеры добычи разных видов топлива и решит вопросы о роли и месте в топливном балансе страны местных видов топлива, как торф, бурый уголь и сланцы; она решит и вопросы тарифной политики на топливные перевозки, которые обеспечат целесообразное с народно-хозяйственной точки зрения размещение промышленности.

Таковы ближайшие практические выводы. Топливные планы должны быть к топливной конференции разработаны на основе встречных промфинпланов рабочих добывающей промышленности, что гарантирует реальность планов добычи.